

На вопросы главного редактора журнала «ЗАКОН»
Яна Пискунова отвечает

отвечает председатель

ФАС Московского округа

Валерия Борисовна АДАМОВА

НЕ ДУМАЮ, ЧТО МЫ МОЖЕМ ПОЖЕРТВОВАТЬ ОБЪЕКТИВНОСТЬЮ РЕШЕНИЙ РАДИ СНИЖЕНИЯ НАГРУЗКИ НА СУДЕЙ

Родилась 31 мая 1965 г. в Ленинграде. В 1987 г. окончила юридический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. В 1987–1994 гг. работала юристом на промышленных предприятиях и в кредитно-финансовых учреждениях г. Ленинграда — Санкт-Петербурга. С 1994 по 2006 г. — руководитель юридических служб крупных компаний. В феврале 2006 г. назначена на должность первого заместителя председателя Арбитражного суда г. Москвы, курировала работу судебных составов, рассматривающих споры, связанные с несостоятельностью (банкротством). 29 апреля 2009 г. Указом Президента РФ назначена председателем ФАС Московского округа.

— Валерия Борисовна, в свете бурной законодательной деятельности последних лет и повышения роли судей в процессе толкования законов пристальное внимание вновь обращено к качеству российского правосудия. В связи с этим в очередной раз поставлен ребром вопрос о системе отбора кадров для судов. Насколько оптимально выстроена существующая система? Что в ней изменили бы лично Вы?

— На мой взгляд, существующая система является вполне сбалансированной. Квалификационный экзамен позволяет оценить профессиональные знания кандидатов. При рекомендации определенного кандидата на вакантную должность учитывается мнение как председателя суда, в который будет назначен судья, так и соответствующей квалификационной коллегии судей. Важно и то, что претендовать на должность судьи может любой человек, соответствующий формальным требованиям к образованию и стажу. Кроме того, есть ограничения, которые должны исключить

конфликт интересов. В частности, нельзя, чтобы кандидат в судьи и председатель суда были родственниками. Мне кажется, при обсуждении любых изменений надо учитывать, что эта система доказала свою работоспособность, поэтому важно не навредить ей неожиданными и непродуманными инновациями.

— Среди отечественных судей совсем невелик процент адвокатов. Как Вы относитесь к такому положению дел?

— Действительно, количество бывших адвокатов среди отечественных судей невелико. Особенно если сравнивать Россию с такими странами, как Англия, где должность судьи — вполне логичный шаг после успешной адвокатской карьеры. Однако это не значит, что с нашей системой что-то не так. Надо учитывать ее исторические особенности. Адвокаты у нас всегда занимались в первую очередь уголовными делами. Для участия в общегражданских или коммерческих делах статус адвоката не требовался и не требуется. Поэтому многие хорошие юристы, которые становятся судьями, не были раньше адвокатами. Конечно, адвокатский опыт может быть полезен для судьи, но это не самоцель. Если же говорить о тенденциях, то, думаю, в будущем количество бывших адвокатов среди судей будет расти.

— А каково Ваше мнение по поводу идей о введении системы экстерриториального назначения судей (т.е. назначения судей без привязки к конкретному суду)?

— Эта идея, высказанная Председателем ВАС А.А. Ивановым, кажется мне совершенно правильной, ее воплощение в жизнь способно привести к существенному повышению независимости суда. Здесь, конечно, встает вопрос о практической реализации: технические возможности судов должны находиться на соответствующем уровне, кроме того, потребуются существенное обновление нормативной базы. Уверена, что со временем эта идея будет пользоваться всё большей поддержкой.

— Насколько оправдывает себя принцип коллегиальности при рассмотрении дел судом кассационной инстанции? Может быть, есть смысл перейти к единоличному рассмотрению и тем самым снизить нагрузку?

— Мне кажется, коллегиальность необходимо сохранить. Она позволяет принимать действительно взвешенные решения, в том числе и за счет того, что в основе лежат опыт и знания не одного, а сразу трех судей. Не стоит забывать, что основной задачей для нас является защита прав участников процесса и справедливое рассмотрение дела. Это особенно важно в суде кассационной инстанции, которая в большинстве случаев является последней. В прошлом году ВАС РФ рассмотрел 500 дел, а кассационные суды — более 88 тыс. Не думаю, что мы можем пожертвовать объективностью решений ради снижения нагрузки на судей.

— Возможно ли снижение нагрузки в кассационном суде путем введения законодательного запрета на обжалование решений по определенным спорам в кассационной и надзорной инстанциях? О каких спорах, на Ваш взгляд, может идти речь?

— Такие меры уже реализуются. Например, существенно ограничены основания для кассационного обжалования по делам, рассмотренным в упрощенном порядке. Как правило, это споры о небольших суммах — не более 100 тыс. руб. Решения по ним могут попасть в кассационный суд, только если при их рассмотрении допущены серьезные процессуальные нарушения и поэтому есть безусловные основания для их отмены. Данные ограничения введены в сентябре прошлого года. Можно сказать, что они не слишком повлияли на нагрузку наших судей. Небольшие споры и раньше редко доходили до уровня кассации. Но в целом направление верное. Стоит и дальше работать над этим, анализировать дела и думать, в каких случаях третья инстанция не является необходимой.

— Действующая редакция АПК РФ запрещает отказываться от иска в суде кассационной инстанции. В некоторых постановлениях ФАС Московского округа проводится мысль, в соответствии с которой заключение в суде кассационной инстанции мирового соглашения, содержание которого сводится к отказу от иска, также недопустимо. Вы согласны с этой позицией?

— Возможность заключения мирового соглашения на любой стадии разбирательства — логичное последствие диспозитивности современного процесса. Стороны сами определяют, как распорядиться своими правами и какие обязанности на себя взять.

На мой взгляд, закон не запрещает заключать мировые соглашения, по сути сводящиеся к отказу от иска, даже если это происходит в кассационном суде.

— Как часто ФАС Московского округа принимает обеспечительные меры?

— Мы редко принимаем обеспечительные меры — только если в них действительно есть необходимость. Например, в 2012 г. наш суд рассмотрел около 17,5 тыс. дел, и лишь в 85 случаях стороны просили принять обеспечительные меры. Из них мы удовлетворили 19 заявлений. Помимо обеспечительных мер, мы иногда приостанавливаем исполнение обжалуемых решений. Обычно это делается, если поворот исполнения будет невозможен или крайне труден, например когда имущество может быть передано офшорной компании либо когда по решению суда должно быть снесено самовольно построенное здание.

— Зачастую сторона при рассмотрении дела судом кассационной инстанции ссылается на обстоятельства, о которых она не упоминала ранее (при рассмотрении дела судами первой и апелляционной инстанций). Каким образом следует относиться к таким доводам?

— При их оценке необходимо принимать во внимание четко очерченные полномочия кассационной инстанции. На этой стадии проверяется, правильно ли нижестоящие суды применили нормы права. При этом должны учитываться обстоятельства, установленные ранее, и доказательства, которые имеются в деле. У сторон была возможность изложить все обстоятельства дела в первых двух инстанциях. Поэтому возникновение в кассации новых обстоятельств может свидетельствовать о сознательной попытке затянуть процесс. Не думаю, что это стоит поощрять. Если же вскрылись какие-то обстоятельства, о которых стороны не знали ранее, то можно добиваться пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

— Как Вы оцениваете нагрузку на судей в ФАС Московского округа? Тяжело ли при ней работать?

— В нашем суде по сравнению с другими кассационными судами самая высокая нагрузка на судей. Она в полтора раза выше среднего показателя, который

составляет 23 дела на одного судью в месяц. Хотела бы отметить, что реальная нагрузка у нас еще больше, поскольку дела рассматриваются коллегиально. Конечно, работать в таких условиях тяжело. Но судей можно только похвалить, они справляются с этой работой успешно.

— Президент внес в Государственную Думу проект кодекса административного судопроизводства. Одна из заложенных в нем идей — обязательное представление интересов граждан лицами, имеющими высшее юридическое образование. Есть ли смысл применять тот же подход и в арбитражном судопроизводстве?

— Возможность введения профессионального представительства в судах в последнее время обсуждается довольно активно. Это хорошая идея, но многое зависит от того, как она будет реализована. Поэтому воплощать ее надо постепенно. В первую очередь стоит охватить те области, где профессиональное представительство будет особенно полезным. Ни у кого же не вызывает сомнений необходимость участия профессиональных представителей в уголовном процессе. Понятно, что есть и другие категории дел, в которых отсутствие юридических знаний вредит и участникам спора, и интересам правосудия. Не удивительно, что эту идею предлагают реализовать в административном судопроизводстве — всё-таки на стороне государства всегда будут выступать достаточно подготовленные люди. Есть серьезные аргументы в пользу реализации этого подхода и в арбитражной системе.

— Насколько реализуема идея об адвокатской монополии в арбитражных судах сегодня, и какой Вы видите модель профессионального представительства, если это нововведение целесообразно?

— Адвокатская монополия — один из возможных вариантов реализации идеи профессионального представительства в арбитражных судах. Как я уже сказала, многое будет зависеть от способа ее реализации. Двигаться надо постепенно. Можно, например, ввести профессиональное представительство по определенным категориям дел или на определенной стадии процесса — в кассационном или надзорном производстве. Дальше надо посмотреть на результаты, выявить сложности. Потом можно будет идти дальше.

— У Вас есть вопросы к квалификации представителей государственных органов, выступающих в ФАС Московского округа? В некоторых странах интересы государства в спорах с бизнесом представляют адвокаты, как бы вы отнеслись к использованию этого подхода в России?

— Я бы не стала говорить обобщенно, что все представители государственных органов имеют низкую квалификацию. На самом деле это стереотип, их уровень бывает очень разным. Встречаются, причем нередко, высокопрофессиональные юристы. Не уверена, что что-то изменилось бы, если бы представление государственных органов было доверено адвокатам.

— Как Вы относитесь к идее превращения отечественного арбитражного процесса в профессиональный? Я имею в виду возложение на истца риска неправильного определения норм права, подлежащих применению в конкретном споре.

— Сейчас об этом говорить не приходится. Если раньше намеки на подобный подход можно было встретить в некоторых решениях ВАС, то теперь возобладали противоположная тенденция. В последних разъяснениях о защите права собственности прямо сказано, что суды должны самостоятельно определять применимые нормы права. Но все же, я думаю, в будущем вполне возможен переход к описанной Вами идее.

По мере того, как участники процесса будут становиться более профессиональными, можно будет возлагать на них риски правильного определения правовой сути спора.

Как видите, эта проблема тоже связана с профессиональным представительством. Но с возложением риска стоит дать сторонам и большие возможности. Например, можно задуматься над тем, чтобы разрешить указывать в исковых заявлениях несколько альтернативных оснований.

— Вышеупомянутый проект кодекса касается дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции. Нуждаются ли, с Вашей точки зрения, в корректировке правила производства из публичных правоотношений, содержащиеся в действующем АПК?

— Мне кажется, что действующие правила вполне работоспособны. В АПК РФ закреплён основной принцип, в соответствии с которым обоснование законности принятого решения возлагается на орган государственной власти. Главная задача — последовательное проведение в жизнь этого положения без учета разного рода субъективных моментов, к числу которых относится квалификация представителя стороны или уровень его подготовленности к судебному процессу.

— В соответствии с проектом кодекса об административном судопроизводстве судебный акт может быть отменен, если при его принятии не учтена правовая позиция Пленума или Президиума ВС РФ. Речь идет о полной победе прецедента в российском праве?

— Очевидно, такая норма усилит роль решений высших судов. В этом смысле можно говорить о победе прецедента. Но пока это будет касаться только административных дел. В целом придание прецедентной силы решениям высших судов можно только приветствовать. Благодаря этому судебная практика становится более предсказуемой, о чем не раз говорил Председатель ВАС А.А. Иванов. Предсказуемость практики повышает доверие к судебной системе. Если же это касается хозяйственной деятельности, то стабильные правила игры идут на пользу всей экономике.

— Решения высших судов в странах общего права — обстоятельные многостраничные документы, в которых приведена развернутая аргументация сторон. Когда в России постановления судов станут такими же? Или стремиться к подобной модели не имеет смысла?

— От качества судебного акта зависит степень уважения к суду, поэтому, конечно, нужно стремиться к тому, чтобы постановления были обстоятельными и аргументированными. И, думаю, что с каждым годом качество постановлений нашего суда становится выше. Но надо понимать, что российские условия работы судей трудно сравнивать с английскими. Во-первых, в ФАС Московского округа очень высокая нагрузка. Во-вторых, АПК РФ не содержит строгих требований к состязательным бумагам. В Англии юристы представляют в суд выверенные, структу-

рированные по определенному образцу документы, содержащие весомую аргументацию. Если в них по какому-то недоразумению попадет надуманный или очевидно нелогичный аргумент, внесшего его юриста ждут как минимум малоприятные объяснения с судом.

— В соответствии с действующим разъяснением ВАС РФ принятие апелляционным судом новых доказательств в отсутствие к тому оснований само по себе не может повлечь отмену апелляционного постановления. Как Вы относитесь к этому разъяснению? Может быть, соответствующий вопрос необходимо решать более жестко?

— Давая эти разъяснения, ВАС исходил из того, что судебный акт прежде всего должен быть справедливым. Да, есть формальное нарушение, доказательства представлены несвоевременно, но они позволяют увидеть ситуацию совершенно в ином свете. Я не уверена, что соответствующее разъяснение со временем не претерпит изменений. Решение этого вопроса тесно связано с переходом к профессиональному процессу. Когда мы будем уверены, что во всех без исключения спорах интересы сторон представлены высокопрофессиональными юристами, правила необходимо будет ужесточать.

— Нормы материального права о злоупотреблении правами (ст. 10 ГК РФ) в результате усилий ВАС РФ применяются все чаще и чаще. Последствием процессуальных злоупотреблений является, во-первых, взыскание судебных расходов с недобросовестного лица, во-вторых, возможность отказать недобросовестному участнику процесса в удовлетворении ходатайства (ч. 5 ст. 159 АПК РФ, введена в действие в середине 2010 г.). Может быть, есть основания для применения еще более серьезных санкций, вплоть до отказа в иске?

— Злоупотребление правами может доставлять немало неприятностей добросовестным участникам процесса. Поэтому с этим явлением следует бороться, но увлекаться не стоит.

||| Надо использовать инструменты, достаточные для того, чтобы отбить желание злоупотреблять своими правами.

Например, запрещать реализовывать права, которыми злоупотребляют. С помощью этих дополнительных мер суд контролирует ход процесса, не дает одной из сторон причинить вред другой недобросовестными процессуальными действиями. Благодаря этому он достигает основной своей цели — правильного разрешения дела по существу.

— Представим себе ситуацию: при рассмотрении дела в кассационном порядке Вы понимаете, что на месте суда первой инстанции на основе оценки тех же доказательств приняли бы иное решение. Однако нормы права судом первой инстанции применены верно. Вы отменили бы решение суда первой инстанции или оставили бы его в силе?

— У суда кассационной инстанции особое место в судебной системе, мы не можем заново оценивать доказательства даже в той ситуации, которую Вы описали. Для судей, которые пришли в ФАС Московского округа из первой инстанции, это определенная психологическая проблема, с которой необходимо справляться.

— Могли бы Вы привести примеры правовых позиций вашего суда, поддержанных Президиумом ВАС и в настоящее время имеющих прецедентный характер?

— Таких дел немало. Не все из них на слуху, но, думаю, многим известно дело «Леруа Мерлен». Эта торговая сеть брала с поставщиков премию за объем товаров, купленных потребителями. Чем больше купили, тем выше премия. Мы решили, что уплата премии — это, по сути, изменение цены купленного товара, а не плата за дополнительные услуги, поэтому на нее не должен начисляться НДС, как посчитала налоговая инспекция. Президиум ВАС поддержал нашу позицию.

Отдельно можно отметить серию дел, связанных со взысканием судебных расходов в спорах с налоговой инспекцией. В них мы успешно применили критерии разумности и соразмерности судебных расходов. В одном деле ВАС признал, что сумма расходов на представителя может быть больше суммы, о которой идет спор.

— В последнее время высказываются мнения в пользу размещения в открытом доступе не только решений судов, но и других материалов: иско-

вых заявлений, жалоб и т.п. Поддерживаете ли Вы такую идею?

— Я поддерживаю ее полностью. Размещение судебных документов в Интернете уже дало положительные результаты. Информация о судебной практике стала более доступной, возросло доверие к судам.

|| Появление в открытых источниках прочих процессуальных документов, надеюсь, позволит повысить их качество и затруднит манипулирование процессом.

Важно, чтобы сами стороны были к этому готовы, а вот этого как раз пока не видно. Часто они выступают против публикации документов, ссылаясь на различные тайны, конфиденциальность и т.п. Я здесь не вижу проблемы — процесс у нас публичный, и если вы идете в суд, то должны быть готовы к публикации информации, с которой пришли.

— Каков максимальный размер компенсации за судебную волокиту, присужденный вашим судом заявителю?

— Средний размер компенсации, взыскиваемой по таким делам, колеблется в пределах от 30 до 50 тыс. руб. Максимальный размер — 100 тыс. руб., такую сумму ФАС взыскал только один раз. Всего за 2012 г. в суд поступило 23 заявления о взыскании компенсации, из них 10 заявлений суд возвратил без рассмотрения. Нужно сказать, что первоначально высокая интенсивность обращений по этому поводу постепенно спадает.

— Как Вы относитесь к постоянному присутствию офшорных компаний в российском деловом обороте? Офшоры создают проблемы судам?

— Проблемы, которые могут создавать офшорные компании, ничем не отличаются от проблем, создаваемых в процессе любой иностранной компанией. Они, скорее, технические: как правильно уведомить сторону, как подтвердить полномочия представителя и т.д. Могут также возникнуть сложности с переводом документов и доказательств. Но арбитражные суды должны быть готовы к любым особенностям современной экономической жизни.

— В последнее время участились разговоры о том, что Россия потребует от офшорных территорий предоставления полной информации о конечных бенефициарах компаний, зарегистрированных на таких территориях, в обмен на финансовую помощь. Эффективны ли такие меры?

— Смотря для чего эффективны... Вряд ли эти меры помогут разрешить проблемы, возникающие в связи с сокрытием информации в офшорных юрисдикциях. Здесь, как всегда в обороте, нужно найти справедливый баланс. Если информация о бенефициарах требуется для рассмотрения дела, то можно попросить ее раскрыть. На мой взгляд, правильно поступает ВАС, который предлагает в случае отказа предоставить такую информацию возлагать негативные последствия на ту сторону, которая отказала. Таким образом, участники процесса сами выбирают, что для них выгоднее — раскрыть информацию или проиграть дело.